

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Эдуард Шульц

К ВОПРОСУ О СХОДНЫХ ЧЕРТАХ РЕВОЛЮЦИЙ В РАЗНЫХ СТРАНАХ, ИЛИ ДУХ ВЕБЕРА И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИЙ

***Аннотация:** Статья ставит вопрос о схожих чертах революций с точки зрения не их близости к шаблону Великой французской революции, а культурно-национальных особенностей и сходства государств, где эти революции произошли.*

***Ключевые слова:** теория революции, социология революции, классификация революций, этнопсихология революций.*

***Summary:** The article raises a question of similar traits of revolutions from the point of view not of their proximity to a template of the Great French revolution, but of cultural national peculiarities and similarity of the states where these revolutions have taken place.*

***Key words:** theory of revolution, sociology of revolution, classification of revolutions, ethnopsychology of revolutions.*

М. Вебер предложил идею зависимости развития капитализма от определенных культурно-национальных особенностей – в частности, от принадлежности государства и народа к протестантизму. Представляется, что национально-культурные особенности сыграли роль и в истории революций. Конечно, ограниченный объем статьи и абсолютная неразработанность темы обуславливают выдвижение общих идей для начала плодотворной дискуссии, нежели предоставление готовых научных решений.

Великая французская революция создала тот образ революции, который стал ассоциироваться с этим понятием. Из исследования в исследование встречается постулат, что Великая французская революция (далее – ВФР) стала шаблоном для других революций. Здесь требуются важные уточнения. Как шаблон поведения революционеров и контрреволюционеров, идеологических и пропагандистских посылок – справедливо. Но ни одна революция ни до, ни после Великой французской не повторила ее даже на условные 50%. Французские революции 1830 и 1848 гг. повторялись по всему миру не раз, а вот Великая французская стала уникальной. Однако она настолько несла в себе сам дух революции – представления об этом явлении, что ее стали использовать как мерило, проверяя на эталонность все остальные революции¹.

Естественно, что есть соблазн мерить по шаблону Великой французской революции и все отличающиеся явления исключать из списка революций². Однако ВФР относится только к одному из типов революций, и примерять ее лекала к каждой революции неправомерно. ВФР представляет собой тип классической революции и несет сходства с революциями, относящимися к тому же типу: Английской, Русской и др. Революции, действительно, проявляют схожесть внутри одних типов, но, кроме того, несут еще и сходные черты вне этих рамок в зависимости от похожих культурно-национальных особенностей.

Вебер видел в протестантской этике один из решающих факторов генезиса капитализма. Дискуссии на эту тему продолжаются до сих пор, т.к. «многие современные историки и в самом деле расценивают по-

¹ *Arendt H.* О революции. М., 2011. С. 70; *Rosenstock-Huessy E.* Revolution as a Political Concept // *Revolutions: Finished and Unfinished, From Primal to Final.* Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 3.

² Об исследовательских проблемах в классификации революций и определении этапности см.: *Шульц Э.Э.* «Моделирование революций» (к дискуссии о стадиях) // *Историческая психология и социология истории.* 2015. № 2. С. 158–173; *Шульц Э.Э.* Типология революций: история создания и современное состояние // *Человек. Сообщество. Управление.* 2014. № 1. С. 65–83.

строения Вебера как не слишком актуальные: считается, что он сделал свое дело и отошел в прошлое»³. Ему вменяют общеметодологическую спорность «и чисто историческую необоснованность притязаний Вебера на универсальное объяснение генезиса капитализма»⁴. На наш взгляд, Вебер не претендовал на выдвигание единственного объяснения возникновения и генезиса капитализма, он, как социолог, констатировал зависимость развития капитализма от протестантской этики – социальных и психологических факторов.

При всех дискуссиях вокруг размышлений Вебера очевидными и неоспоримыми остаются составляющие его выводов. Развитие капитализма в пуританской Англии шло интенсивнее, чем в католической Франции, при том что прочие условия у этих стран были сильно сходны: норманнское прошлое, классический феодализм, наличие эксплуатируемых колоний, сильный флот и наземная армия, абсолютистский режим, примерно в одно время законченный период феодальной раздробленности и т.д. Все это вызывает вопросы и никак не свидетельствует против построений Вебера. Почему английское дворянство активно участвовало в капиталистических предприятиях, а французское нет? Почему английское сельское хозяйство пошло по пути огораживания и максимизации прибыли за аренду, а французское решило проблему собственности земли только после ВФР? Кроме того, из развитых капиталистических стран к концу XIX в. – это протестантские Англия, США (со смешанным населением), Нидерланды, Германия и одна только Франция с преобладающим католическим населением. Почему классический капитализм случился именно в Англии и Голландии, классический империализм – в Англии, США и Германии? Добавим к этому не вызывающий сомнений факт, что тот классический капитализм, который описывал Маркс, – состояние английского общества и экономики в середине XIX в. – имел культурно-национальные особенности и не случился в другой культурной среде. Вернее, случился, но по-другому.

Перенося эту дискуссию и обозначенные вопросы на почву теории революции, можем заключить, что и революции имели культурно-национальные особенности, которые сказывались на ходе самих революций и на их последствиях. В революциях можно проследить особенности национального характера и ментальностей. Северным странам

³ Ландес Д. Культура объясняет почти все // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002. С. 51.

⁴ История Европы. Т. 4. М., 1994. С. 20

характерно наиболее спокойное течение революций. Революции 1814 г. в Норвегии и 1917 г. в Финляндии прошли практически без гражданской войны (в т.ч. и потому, что несли черты национально-освободительных революций) по очень сходным сценариям. В двух других Скандинавских странах изменения произошли не только без гражданских войн, но и вообще без серьезного социального противостояния: в Швеции в 1809 г. произошел государственный переворот, который привел к реформированию общества, а Дания провела реформы под влиянием Наполеоновских войн и революционных событий 1848 г. в Европе. Реформирование во всех этих странах продолжалось вплоть до окончания Второй мировой войны.

Примечательно, что Швеция, Норвегия и Дания установили и сохранили до сегодняшнего дня конституционную монархию. Тем же путем пошла после революции и Англия.

Английская революция 1640–1653 гг. сочетала в себе черты характера «Северных революций» и ВФР. Как и в своих далеких потомках в скандинавских событиях, в Английской революции активно участвовала не столь значительная часть общества, в конце концов превалировала психология реставрации и ограниченной монархии, а большинство изменений в государстве происходило в виде постепенных реформ вплоть до середины XX в. Как и в своей последовательнице во Франции, в Английской революции наличествовала сильная идеологическая основа, и она сопровождалась длительной гражданской войной. Очень близка к этим двум революциям своим алгоритмом была Русская революция (с поправкой на историческую временную разницу).

Испанские и Португальские революции демонстрируют близость с латиноамериканскими. Их отличали большое количество бунтов всех мастей, множество революций и незаконченность большинства попыток революций и самих революций и постоянный возврат. Существенным фактором в этих странах стала армия – как высший командный состав, так и офицеры среднего и нижнего звена. Очень близкий характер показывали Италия и Греция.

В истории двух островных государств – Японии и Англии – обнаруживаются сходства в ряде черт культуры и социальной психологии, которые наложили свой отпечаток и на революции: 1) в обеих странах сильны традиции, и монархии здесь ограничены более традициями, чем писанным законом; 2) и в Англии, и в Японии произошло сохранение части сословных привилегий после революций; 3) здесь революции привели к самостоятельной реставрации монархии (в одной сразу, в другой

через 19 лет революции); 4) в обоих государствах «корона» и традиции обеспечивают единство нации и преемственность поколений. После революций Англия стала примером развития для Западного полушария, Япония – для Восточного.

Революции в Англии и Японии настолько выбиваются из образа «настоящей революции», что споры об их принадлежности к данному феномену сохраняются и по сей день.

Японский пример показывает превосходство психологии над экономикой. Часть элиты Японии, осуществившая переворот и вернувшая власть императору, а в дальнейшем проводившая реформы Мэйдзи, стремилась произвести изменения в обществе, которые бы позволили Японии встать на один экономический и военный уровень с западными государствами, чтобы сохранить государственную самостоятельность и избежать подчиненного колониального статуса⁵. Основа этих изменений – особый менталитет общества. Путь развития Японии однозначно оценивается как национальная особенность, связанная с мировоззрением японцев и гомогенностью японского общества⁶. Однако такие примеры можно подобрать и в «западном обществе»: 1) Дания прошла путем реформ, которые упразднили необходимость революции; 2) революции в Швеции, Норвегии, Финляндии и Бельгии были бескровно проведены элитами и сильно напоминали обычное реформирование государства.

В Японии элиты «провели революцию» под сильным внешним давлением, чтобы догнать развитые страны. Дания провела реформы под влиянием Наполеоновских войн и революционных событий 1848 г. в Европе, чтобы не отставать от передовых примеров развития и избежать социальных конфликтов. В.И. Ленин ставил задачу модернизации государства для достижения уровня развитых стран и его превосходства. В истории революций существуют примеры переворотов военных, которые затем отдавали власть в руки демократического гражданского правительства с целью кардинальных реформ на благо государства и общества.

Английская революция казалась холодной и расчетливой. В ней не было бури страстей. Да она и на революцию не была похожа, с точки зрения революционного романтизма: нет восставших толп крестьян и

⁵ См.: Михайлова Ю.Д. Общественно-политическая мысль Японии (60–80-е годы XIX в). М., 1991. С. 4, 166; *The Rise of Modern Japan* / Ed. by L. Menton, N. Lush, E. Tamura, C. Gusukuma. University of Hawaii Press, 2003. P. 33.

⁶ См. например: Михайлова Ю.Д. Указ. соч. С. 163–166; McCormack G., Sugimoto Y. Introduction: modernization and beyond // *The Japanese trajectory: modernization and beyond* / Edited by G. McCormack and Y. Sugimoto. Cambridge University Press, 1988. P. 4.

бедноты, гражданская война больше похожа на межгосударственный конфликт и междоусобные войны периода феодальной раздробленности. Французская революция была иной не только из-за разницы в экономическом развитии, но и в связи с тем, что благодаря Просветителям и Американской революции иные идеи владели умами тех, кто стал революционерами. Именно Французская революция принесла с собой революционную романтику и поэтому стала шаблоном и главным примером этого социально-политического феномена. «Холодность и расчет», слабое вовлечение масс в революцию роднят Английскую революцию и революцию Мэйдзи – обе стали достаточно ранними для своего региона. Общие цели и близкие условия делали весьма сходными революции в Нидерландах и Америке. Американская разница заключалась в двух важных составляющих: 1) перенесенная на столетие гражданская война ввиду сохранения рудиментарных социальных отношений в виде рабства; 2) религиозная идеология, которая спланивала Нидерландское общество до революции, в США начала формироваться незадолго до революции и стала приобретать законченный вид уже во второй половине XIX в. (отцы-основатели, исключительность и богоизбранность США и т.д.). Великая французская революция сильно походила на свою последовательницу в России: философское учение как идеология революции, массовый характер, сильный и многосторонний общественный конфликт, продолжительная гражданская война и интервенция, направленная на реставрацию прежних порядков, и т.д. Наличие сильного религиозно-идеологического фактора сделали эти революции жестокими, с длинным периодом кровопролитных гражданских войн.

Итак, анализ хода и последствий революций неизбежно приводит к выводу, что революции проявляют сходные черты в связи с тем, что в них заложена логика социальной психологии, которую люди повторяют раз за разом. Именно законы социальной и индивидуальной психологии создают сходство между собой революционеров разных эпох и стран, тиранов и диктаторов, реформаторов – в чертах характера, в образе мышления. Однако сходство протекания революций и их последствий зависит еще и от общих культурно-национальных черт, которые формируют этнопсихологию. Именно эти черты определили сходство в протекании и последствиях революций на севере Европы и в Англии. Замена революции превентивными реформами, что обеспечило самый мирный переход – Дания и отделившаяся от нее Исландия, а если идти дальше, то наиболее мирный переход вместо революций в большинстве английских колоний: Австралия, Канада, Новая Зеландия, Индия, Па-

кистан, где исключение составили только США. Сходство революций в Испании и Португалии и всех их колоний. «Промежуточность» между «северным» и «южным» типами в ВФР и Русской революции. Возможно, что территориально-географическое положение оказывает влияние на этнопсихологию, что сказывается на схожести революций: такие черты демонстрируют революции в Англии и Японии. Все вышеизложенное делает такой подход к революциям, их комплексный сравнительный анализ, достаточно перспективным и открывает новые возможности в проблематике, которая в последние десятилетия зашла в определенный исследовательский тупик⁷.

Список литературы:

1. *Арендт Х.* О революции. М.: Европа, 2011.
2. *Ландес Д.* Культура объясняет почти все // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская Школа Политических Исследований, 2002. С. 38–54.
3. *Михайлова Ю.Д.* Общественно-политическая мысль Японии (60–80-е годы XIX в). М.: Наука, 1991.
4. *Шульц Э.Э.* «Моделирование революций» (к дискуссии о стадиях) // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 158–173.
5. *Шульц Э.Э.* «Теория революции»: к истории изучения, систематизации и современному состоянию // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2015. № 1. Вып. 33. С. 167–172.
6. *Шульц Э.Э.* Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 65–83.
7. История Европы. Т. 4. Европа Нового времени (XVII–XVIII века). М.: Наука, 1994.
8. *McCormack G., Sugimoto Y.* Introduction: modernization and beyond // The Japanese trajectory: modernization and beyond / Edited by

⁷ См.: *Шульц Э.Э.* «Моделирование революций» (к дискуссии о стадиях) // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 158–173; *Шульц Э.Э.* «Теория революции»: к истории изучения, систематизации и современному состоянию // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2015. № 1. Вып. 33. С. 167–172; *Шульц Э.Э.* Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 65–83.

- G. McCormack and Y. Sugimoto. Cambridge University Press, 1988. P. 1–14.
9. *Rosenstock-Huussy E.* Revolution as a Political Concept // *Revolutions: Finished and Unfinished, From Primal to Final.* Cambridge Scholars Publishing, 2012.
10. *The Rise of Modern Japan* / Ed. by L. Menton, N. Lush, E. Tamura, C. Gusukuma. University of Hawaii Press, 2003.